

Т.А. Метелёва (Украина, Киев)

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Изменение методологических парадигм в конце XX- начала XXI в., вызванное не в последнюю очередь тектоническими социально-историческими процессами, ставит вопрос о будущих инструментах и подходах к изучению и пониманию истории. Статья посвящена стержневой проблеме исторического дискурса: какие средства его создания возьмут верх - классические (традиционные), постмодернистские или какие-либо другие.

Ключевые слова: *исторический дискурс, универсальная парадигма, мультиверсумная парадигма, неоуниверсализм.*

Универсумная парадигма. Первым шагом в направлении отхода от традиционного социологизаторского направления в истории стало обращение к культурной сфере человеческого бытия в истории. Культурологический (или антропокультурный) подход, нашедший свое выражение в концепциях О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Данилевского и др., позиционировал себя в качестве альтернативы к гегелевско-марксистской версии системности. Однако альтернативность обеих была, по сути, кажущейся: оба произрастали на общей «универсумно-системной» почве и усматривали источник исторического развития в разных сферах человеческого бытия.

Являлись ли предметом изучения «объективно фиксируемые», технико-технологические и институциональные формы общественной жизни, структуры и процессы, происходящие изменения редуцировались до производных действия общесистемных законов. Выведение закономерностей исторического развития из постулируемых как основные культурные признаки социума (например, шпенглеровских прасимволов или точки и парового двигателя Мишеля Серра, либо же иного символического, ценностного, эйдетического или архетипического инварианта) не подрывало приоритет классической парадигмы³. «Нередуцируемым осадком» культурологических концепций истории, ценностью, на почве которой они произрастают, являлась в конечном итоге та же социальность как целое, общество как таковое. Существенным же отличительным признаком культурологического подхода к истории, подкрепляющим его претензии на альтернативность социологизаторскому, была не смена области поисков «начала и принципа» исторического развития, а сужение сферы действия универсализма (генерализующей или, в терминологии В. Виндельбанда, номотетической когнитивной стратегии). Культурологический подход послужил, таким образом, предтечей последующей «локализации» истории, в том числе и в ее позднем социологизаторском варианте (Ф. Бродель, И. Валлерстайн), и признания множественности ее логик.

Забегая вперед, следует отметить, что своеобразный синтез квазиальтернативных системных направлений и одновременно - усиление и теоретическое подкрепление «диверсификации» истории наметились в 1930-х гг. в предложенной Д.Х. Стюардом идее многолинейной эволюции. Однако

³ Как справедливо замечает в этой связи А. Лубский, «классическая парадигма исторического исследования в своем стремлении к систематичности и целостности неизбежно выходила на идею истории как целого, имеющего определенную логику развития. Возникшие на ее основе теоретические концепты обладали определенным методологическим потенциалом, позволяющим не только типологизировать исторический процесс, но и разрешать противоречие между историческим многообразием человеческих сообществ и развитием человеческого общества как «целого». Это противоречие получило логическое разрешение прежде всего в рамках методологии, которая нашла реализацию в таких концептуальных моделях истории, как «теория общественно-экономических формаций», «теория постиндустриального общества», «стадиальная теория цивилизаций», «миросистемная теория», «теория модернизации» [8, с 105].

свое концептуальное оформление он получил лишь в 1980-х гг. в работе К. Р. Холлпайка «Принципы социальной эволюции» [18], идеи которой далее были развиты Х. Классеном. Представление о поливариантности исторического процесса, отраженное в этой концепции, отказывается от взгляда на него как прогресс, усложнение (по словам самого Х. Классена, «у социальной эволюции нет предписанного направления развития» [6, с. 13]). Однако и активно развивающийся сегодня неоклассический принцип «разным локусам - свою логику истории», как и культурологические концепты первой половины XX века, не порывает с конститутивным стержнем системного (классического) подхода - превалированием общего над единичным.

С другой стороны, развитый В. Дильтеем в начале прошлого века взгляд на историю как область знания, находящуюся в пределах «внутреннего переживания», как результат деятельности индивидуальных сознаний, исключая действие объективных закономерностей общественного развития, способствовал переориентации стратегии исторического исследования от «объективного» к «субъективному». Задача создания новой истории как науки о человеке в обществе, мыслящем и чувствующем общественном существе [14, с. 18] была поставлена в конце 1920-х гг. основателями школы «Анналов» М. Блоком и Л. Февром. Ее разрешение виделось на тот момент в смене предмета исследований и обращении к изучению ментальностей — искомого «антропологического элемента» исторического процесса.

Однако, несмотря на появление в последней трети прошлого века и упрочение позиций микроистории и антропологических исследований внутри исторической науки, историографическая практика в целом, как справедливо замечает американский и мексиканский историк Карлос Рохас, и сегодня связана с системой знаний об обществе, сложившейся в XIX веке, в частности, с системными, универсалистскими, гегелевско-марксистскими представлениями о мире в его истории [12, с. 12-24].

Прочность позиций системной парадигмы в исторической науке в целом, не только классической, но и альтернативной, не удивительна и закономерна. И исследование внутреннего мира человека в истории, его мировоззрения и ценностных установок, демонстрируя их пластичность и изменчивость, с необходимостью отсылает не только к историческому контексту как полю, на котором эти трансформации осуществляются, но и к историческому процессу как определенному единству, если не генетическому, то по крайней мере хронологическому. А, следовательно, приоритет индивидуального и уникального как предмета исследования также чреват потребностью в выходе за их пределы в область «объективно-исторического» и в генерализации.

Мультиверсумная парадигма. Противостояние системного и «убегающего от системности», общественного и индивидуального, единичного

и всеобщего сохранилось в неприкосновенности и в постклассический период. И слова, сказанные Мишелем Фуко почти 40 лет назад и образно отразившие это противостояние, звучат не менее актуально сегодня: «Что значит какая-то смерть, какой-то крик, какое-то восстание по сравнению с великой потребностью целого, и наоборот, какое мне дело до какого-то общего принципа в той особенной ситуации, в которой мы пребываем?» [16].

Появившийся во второй половине прошлого века и мощно заявивший о себе к его концу философский постмодерн, ставший, по словам Дж. Грея, «поминками» по дискурсу Просвещения [3], с его пафосом борьбы с «семиотическим империализмом» [8, с. 315], был закономерной реакцией прежде всего на онтологическое и гносеологическое господство системности⁴.

С позиций постмодерна, представителем которого в исторической науке стал получивший распространение в конце прошлого века «мультиверсумный» подход, «история лишается любой внутренней связи и превращается в набор «отдельных историй», не предполагающих каких-либо отношений преемственности, а сама историческая наука с ее идеями прогресса, всемирной истории представляется лишь как орудие власти, как одна из ее технологий» [9, с. 16]. Отстаивая принципиальную невозможность системной реконструкции истории, «мультиверсумный» подход вместе с отрицанием классической «универсумной» парадигмы отвергает возможность преемственности на оси «прошлое — настоящее — будущее». Констатация «распада связи времен», утверждение отсутствия общих закономерностей исторического процесса является для его сторонников прежде всего способом освобождения от «метанарративных оков».

В рамках этого подхода любая процессуальность выступает как множество не связанных друг с другом монадических точек. А «вопрос об истине истории и в истории, которая понимается всякий раз как диалектика единственного и множественного» [11, с. 24] решается в пользу множественного и против системного единства. «Выхватить сингулярность событий», противопоставив ее «метафизическому разворачиванию идеальных сигнификаций телеологических бесконечностей» [13, с. 74] — такова, по словам Мишеля Фуко, задача постмодернистской истории. «Традиционные средства конструирования всеобщего взгляда на историю и восстановление прошлого как спокойного и непрерывного развития должны подвергнуться систематическому демонтажу. ...История становится «эффективной» лишь в той мере, в какой она вводит идею разрыва в само наше существование» [5, с. 153-154].

Если в классической парадигме процесс эволюционного развития состоял из сплошных «скачков» (термин Гегеля-Маркса) — перерывов посте-

⁴ Характеризуя аргументацию сторонников постмодерна в его противостоянии системности, понимаемой как позитивистский объективизм. Э. Геллнер констатирует, что в их мировоззрении «...позитивизм является формой империализма. ...Напротив, субъективизм означает межкультурное равенство и уважение» [17, с. 26].

пенности, осуществляемых по гегелевскому принципу снятия, то для постмодернистов-историков он состоит из «точек бифуркации» (понятие, заимствованное из синергетики), в которых принцип снятия не работает. В первом случае качественное изменение (скачок) органически вилетено в общий механизм исторического и логического, является необходимым моментом его осуществления, обеспечивающим последовательность и преемственность; во втором процессуальность прерывается абсолютным образом, отрицая преемственность в принципе, и последующее не только не задается прошлым и настоящим, но противостоит ему как нечто непостижимое.

Возникший как реакция на ставший очевидным тоталитарный потенциал самого рационализма и оформленный в виде критики рационалистического дискурса Просвещения, философский постмодернизм не только потряс методологические основы исторического познания и стал «постмодернистским вызовом» [2, с. 14] исторической науке. Он выявил и реальные «болевы точки» исторического познания, в частности, неустранимую субъективность реконструкции истории, ее отягощенность субъектностью самого историка⁵, чьи мышление и восприятие сформированы в определенной культурно-исторической среде с ее ценностными составляющими. Реальная герменевтическая проблема дискурсивной нагруженности, семантической нетождественности познающего и познаваемого, познания вообще и исторического в частности, беспощадно вскрытая постмодернизмом, одновременно послужила почвой для его спекуляций на ней. Провозглашая онтологическое и когнитивное равенство метанарративов, замещая «реконструкцию» «деконструкцией», постмодерн тем самым открывал перспективы превращения истории как науки в историю как художественное творчество, результаты которого равно не верифицируемы и зависимы лишь от эстетических предпочтений их творца (или мифотворца). «Путь, ведущий в доктринальную бессодержательность», который, усложняя понимание того, что в действительности существенно, не может быть правильным», - так охарактеризовал постмодерн в его отношении к истории один из его наиболее серьезных и жестких критиков Э. Геллнер [17, с. 4].

Однако доктринальная бессодержательность вскрывает реально существующую ограниченность системного подхода к интерпретации исторического процесса. Все действующие ныне системные, универсальные концепции строятся и не могут не строиться на абсолютизации того или иного фактора человеческого бытия. Каждый из них в явной или неявной форме

«Субъективность историка, - отмечает **П. Рикёр**, — если сравнивать ее с субъективностью физика, вторгается в сферу особого смысла, привнося с собой необходимые для интерпретации **схемы**. . Даже рациональность истории зависит от суждения о значимости, у которого, кстати, нет жестких критериев. В этом отношении **прав Р. Арон**, когда он говорит, что «теория предшествует истории» [11, с 41]

опирается как на конститутивный на тот компонент, который в рамках этого подхода приобретает значение не только объяснительного принципа, но и ценности, и, следовательно, сам основывается на определенных мировоззренческих априориях.

Возникает парадоксальная ситуация: какой бы «инвариант бытия» («инвариант» в структуралистском смысле этого слова как повторяемость конфигурации отношений меж элементами каких-либо общественных или культурных явлений, конструкций, «систем» и «подсистем») ни принимался за исходный, либо же в качестве основополагающего фактора для конструирования того или иного историко-культурного типа социума акцентировалось наличие глубинных духовно-культурных априорных «кирпичиков-образований» (символа, архетипа и пр.), в любом случае создатели системных версий философии истории строят собственные концепции на фундаменте определенных ценностей и соответствующих им неотрефлексированных априорий⁶. Факт, склоняющий, на первый взгляд, к признанию большей эвристической способности мультиверсумной парадигмы, объявляющей все варианты инвариантов равнозначными и равно ограничительными.

Но, что самое парадоксальное, клеймя историческую науку как «служанку рационализма» (= тоталитаризма), постмодернизм не избежал того, в чем заключалось его главное обвинение против нее, - холизма. Холистическое восприятие исторической реальности в нем также вполне присутствует, только целостность истории определяется не ее связностью и структурированностью, а — тотальным хаосом. Что логично: не только гносеологически, но и онтологически (в полном соответствии со вторым законом термодинамики!) хаос является результатом последовательной деконструкции структур. В таком контексте следует признать: постмодернизм успешно прошел свой скорбный путь от системности к несистемности.

Результатом «подрывной деятельности» постмодерна в его обеих вариациях - мультиверсумной («бифуркационной») и «мифотворческой» (герменевтической) стал эпистемологический кризис исторической науки, «поставивший под сомнение саму веру в неизменность и доступность прошлого, скомпрометировавший возможности исторического постижения и подорвавший нашу способность определять себя во времени» [19, с. 881]. По словам А. Лубского, в XXI век историческая наука вошла как «мультипарадигмальная» дисциплина: «в ней существует огромное количество

⁶Язык научного дискурса, - замечает в этой связи А. Лубский, - «являясь инструментом символической реконструкции (или конструкции) предмета исторического исследования, структурно содержит культурный код, определяющий способ мировосприятия данной культуры, а его грамматика в неявном виде заключает в себе развернутые представления об устройстве социального универсума, определяющие мышление и поведение людей» [8, с. 64]. И в этот культурный код, заметим, «вмонтировано» его ценностное основание.

направлений, течений и школ; методологический сепаратизм размывает стандарты научной профессиональной деятельности; ученые говорят на разных языках, все меньше понимая друг друга и все больше обвиняя своих оппонентов в «ненаучности» [с. 4], что в конечном счете инспирирует «когнитивную потребность концептуального преодоления этого «хаоса знаний» и построения таких теорий эпистемологического содержания, которые учитывали бы современные методологические новации» [8, с. 17-18].

Но, что наиболее примечательно, потребность «преодоления методологического хаоса» разворачивается в прежних мировоззренческих координатах: свойственное прошлому веку острое переживание обреченности на противостояние общего единичному, общества в его холистской истории - человеку, породив постмодернистское воинственное отрицание системности, никоим образом не сняло остроту противостояния, лишь крайне обострив его осознание. В координатах этой все более болезненной дуальности происходит развитие всех гуманитарных наук по меньшей мере последние сто лет. В распоряжении современного ученого, чей предмет исследования требует обращения к его генезису и, следовательно, к истории и неизбежно связан с ее интерпретацией, находится огромное количество различных, порой взаимоисключающих подходов и методологий, а потому всегда актуален вопрос их применимости к специфическому предмету рассмотрения и эвристической мощности на данном предметном поле. И если в работах последних десятилетий, посвященных методологии исторического познания, эпистемологическому срезу этой коллизии уделено достаточно внимания, то срез онтологический (не менее, если не более важный) остается как бы в области тематической периферии. На наш взгляд, «контрадикторная болезнь мировоззрений» конца XX - начала XXI в. в наибольшей мере затронула онтологию истории - историософию, пребывающую на стыке исторического и философского предметов исследования. Конфликт в пределах гносеологии истории губительным образом сказался на статусе онтологии истории, а кризис в историческом познании является кризисом прежде всего историософии.

Попытки увидеть в разрушительной работе постмодерна позитивные стороны не утешают, поскольку применимы лишь к эпистемологической составляющей исторической науки. Л. Зашкиляняк, в частности, призывает признать и спокойно принять факт того, что сегодня «история не является тем, что о ней пишут историки, а также не является самой прошлой действительностью; она является дискурсом, специфическим способом употребления языка в публичной сфере, возникшим в греко-христианской традиции; она является «культурной практикой лиц и сообществ». Такая история, обусловленная культурно-цивилизационными различиями и одновременно взаимными связями, является собственно современной и — Другой быть не может» [4, с. 290]. «Постмодернизм серьезно расшатал ос-

новы, но не сверг до конца традиционную историческую науку», констатирует И. Кравченко, характеризуя состояние украинской историографии [7, с. 218]. Но мудрое эпистемологическое признание и принятие не создает выхода из онтологической коллизии, осознание которой предельно обострено конфликтом системных и не/антисистемных стратегий.

Проблема заключается в том, что история человечества, даже если в традициях постмодерна относиться к ней как к зафиксированному в документах и памятниках тексту и считать этот текст, сознательно минимализируя работу собственных априорий, неизбежно демонстрирует некую закономерность: не только изменчивость всех и всяческих форм, в том числе духовно-культурных, но и определенную корреляцию внутреннего - индивидуального - мира человека, его мировоззренческих смыслов и ценностей оснований с изменением некоего общего, вне человека, пребывающего. Альтернативные системной стратегии исторического исследования могли либо игнорировать этот факт (что они по большей части и делали), либо откровенно посмотреть в лицо вопросу: есть ли логика в истории? Содержит ли исторический процесс имплицитно какие-то закономерности? Или, говоря словами Поля Рикёра, «обладает ли систематическим единством проект человечества, который мы называем нашей цивилизацией, если в ней существует и развивается множество культурных позиций и взаимопереплетающихся человеческих связей» [11, с. 24]. Положительный ответ на этот вопрос, свидетельствующий о склонности к системной парадигме, провоцирует, в свою очередь, вопрос, альтернативный первому: можно ли выходящее за рамки закономерностей, не исчерпывающееся и не охватываемое ими рассматривать как несущественное, исторически ничтожное? Объединение этих вопросов в настоящее время приобретает характер дорожного указателя в сторону поиска синтеза мировоззренческих парадигм и когнитивных стратегий, снимающего их контрадикторность.

Сегодня разрыв между «позитивным знанием» - совокупностью накопленных данных в различных областях научного знания и философскими концептами растет в геометрической прогрессии, а философия истории все более отходит на маргине культурной жизни, превращаясь в интеллектуально-софистическую игру, некое произвольное приложение к «истинному знанию». Отказ философии от исторической проблематики, в значительной мере спровоцированный постмодернизмом, привел к подмене ее агностически окрашенными соображениями об условиях возможности исторического знания. Перемещение истории как предмета философского исследования из гносеологического ведомства в эпистемологическое чреват утратой человеком собственной «филогенетической биографии», «онтологическим сиротством». Потребность укорененности в истории, несмотря на все мировоззренческие выводы постмодернизма, актуализирует смысложизненные поиски в этой области и лишь усиливает потребность в

философской реконструкции культурно-духовной родословной человечества. Однако в афтерпостмодерной (метамодерной) ситуации осмысление поля «прошлое-настоящее-будущее» остается прерогативой той философии, которая вольно или невольно подражает образцам современных схем, чья инфицированность редукционизмом и системностью была разоблачена постмодернизмом.

Сказанное характеризует ситуацию не только в области исторических и историко-культурных исследований, но еще более - в сфере философского осмысления феномена человеческого бытия как целостности, определяемой и социально-коммуникативным содержанием, и экзистенциальным основанием человеческой уникальности и не сводимой ни к «совокупности общественных отношений» (К. Маркс), даже взятых во всем их богатстве, ни к непрерывности витального потока (Ф. Ницше, В. Дильтей, А. Бергсон), ни к господству «символических форм» (Э. Кассирер), ни к любому рациональному либо иррациональному «метанарративу». Внесистемный подход к рассмотрению человеческого бытия, практикуемый школой Анналов (Ж. Ле-Гофф, Ж. Дюби, М. Ферро, Ф. Фюре) и микроисторическими исследованиями (Дж. Леви, К. Гинзбург, Н.З. Дэвис, Э. Ле Руа Ладюри и др.), равно как и антисистемный подход постмодернизма, акцентируя неповторимость единичного и потому, в предельном случае, превращая его в нечто вроде «духа-в-себе», проявляет такую же эвристическую несостоятельность и ограниченность, как и его системный антипод, при котором человеческое бытие целиком растворено в общем, какой бы соблазнительный вид это общее ни приобретало в той или иной философии. Другими словами, глобальная проблема состоит в следующем: можно ли рассматривать системный и внесистемный, условно говоря, «универсальный» и «мультиверсальный» подходы к рассмотрению человеческого бытия в его историческом становлении не как взаимоисключающие, но как взаимодополняющие? Является ли альтернативой их противостоянию развивающийся сегодня неоклассицизм с его многочисленными локальными «логиками истории»?

Характеристика К. Ясперса, данная им проблемам исторического исследования почти 70 лет назад, не утратила своей актуальности. «Попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов, - пишет К. Ясперс в своей знаменитой работе «Смысл и назначение истории», — всегда ведет к грубым упрощениям, однако эти упрощения могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты» [15, с. 52]. Проблема, однако, в том, чтобы за стрелками-указателями увидеть существенность и того, что ими не регулируется.

И, если с основополагающими положениями системной парадигмы что-то «не так», не следует ли предположить, что этим «не так» является абсолютизация объективно существующей логики развития как независимой от духовно-культурной составляющей общественного бытия и экзи-

стенциальной составляющей человека? Именно к этому убеждению подталкивал ход историософской мысли XX века, все более ориентированный на поиск в направлении утверждения ценности единичного человека. Собственно, побочным продуктом такой ориентации и был постмодернизм, пусть разрушительно, но утверждая значение внесистемных составляющих исторического процесса, не подчиненных «метанарративам» (структурным, системным зависимостям).

Неоуниверсализм. И в этом смысле действительно перспективным представляется как происходящее в настоящее время формирование теории «культурного плюрализма», базирующейся на методологии нового универсализма, так и обращение к достижениям синергетики. То, что в свое время составило концептуальное ядро в теории К. Поппера, представление о принципиальных различиях в способе функционирования и исторического развития разных типов обществ, открытого и закрытого, - в синергетике действительно для систем любого уровня. Но, в отличие от до-социальных систем, в общественном развитии существенное значение имеет и несистемная, нерационализируемая составляющая, при любых условиях не сводимая и не исчерпываемая системным содержанием, — человек в его экзистенциальном и культуротворческом бытии.

Задача, следовательно, состоит на сегодня в том, чтобы выявить сферу и границы действия системных закономерностей исторического развития человечества, одновременно сосредотачиваясь не на них самих (требующих, естественно, дальнейшего исследования), а на том, что им неподвластно и выходит за их пределы, — духовно-культурной и мировоззренческой области.

Обладает ли в этом смысле эвристической мощностью неоуниверсализм, коему прочат перспективное будущее? Способна ли формирующаяся парадигма «неоглобализма» предложить интегральную версию историографии и плодотворные пути выхода из мировоззренческого клинча в историческом и философском познании, опирающиеся на концепт сетевого общества, в котором «динамика глобальной общности предстает как результат наложения и столкновения множества различных траекторий или ансамбль траекторий»? Позволит ли предлагаемая неоуниверсалистами модель многомерной и многоуровневой истории с особыми точками интеграции макро- и микросоставляющих, где всеобщая история, сохраняя единство, обретает нелинейный характер [1; 10], разрешить эти задачи — покажет лишь время. На сегодня принятая неоуниверсализмом в качестве стратегического плана идея преодоления антитезы социологического и культурно-антропологического внушает осторожный оптимизм, чьи пределы определяет подозрительное сходство другой концептуальной новации неоуниверсалистов — принципа взаимодополняемости всех конкурирующих исследовательских стратегий и парадигм - с «концепцией двух истин» Сигера Брабантского и других

поздних схоластов (Роджера Бэкона, Иоанна Дунса Скотта и пр.). Поздняя схоластика, как свидетельствует та же история, разграничив сферы применимости разума и веры как «взаимодополняющих познавательных стратегий», не стала принципиально новым словом в истории философской мысли. Но проложила путь Возрождению.

Библиографические ссылки

1. *Бессмертный Ю.Л.* Как же писать историю? Методологические веяния во французской историографии 1994-1997 гг. // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 29-42.
2. *Бузгалин А.В.* Постмодернизм устарел.. (Закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии») // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 2-15.
3. *Грей Дж.* Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М.: Практикс, 2003. 386 с.
4. *Заикільняк Л.* Виклики ХХІ століття й сучасна українська історіографія // Україна-Європа-Світ: міжнар. зб. наук. пр. Тернопіль. Серія: Історія, міжнародні відносини. Вип. 14, 2014. С. 283-292.
5. *Ильин И.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 256 с.
6. *Классен Х. Дж. М.* Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма : Кол. монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лыньши. М.: Логос, 2000. 368 с. С. 11-15.
7. *Кравченко И.С.* «Ситуация постмодерна» в исторической науке: проблема восприятия научным сообществом // Вісник Харків. Нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна/ Харків. Нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. Харків: Видавництво ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 1964. Серія: Теорія культури і філософія науки. Вип. 37. 2010 . С. 218-223.
8. *Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования / отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2004. С. 340.
9. *Огурцов А.П.* Постмодернистский образ человека и педагогика // Человек. 2001. №3. С. 15-17.
10. *Патрушев А.И.* Вернер Конце и пути немецкой социальной истории // Диалог со временем: историки в меняющемся мире: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; [редкол.: Л. П. Репина, В. В. Согрин, Д. А. Модель]. М.: 1996. 239 с. С. 127-141.
11. *Рикёр П.* История и истина / пер. с франц. СПб: Алетейя, 2002. 400 с.
12. *Рохас К. А.* Историография в 20 веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008. 163 с.
13. *Фуко М.* Ницше, генеалогия, история // Философия эпохи постмодерна: сборник переводов и рефератов. Минск: ООО «Красико-принт», 1996. С. 74-97.
14. *Шанин Т.* Революция как момент истины. М.: Весь Мир, 1997. 560 с.
15. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994 527 с.
16. *Foucault M.* Inutile de se soulever? // Le Monde, 11-12 mai 1979. P. 2.
17. *Gellner E.* Postmodernism, reason and religion. New York: Taylor & Francis e-Library, 2003. 108 p.
18. *Hallpike C.R.* The principles of social evolution. Oxford: Clarendon Press, 1986. 432 p
19. *Harlan D.* Intellectual History and the Return of Literature // American Historical Review. Vol. 94. № 3. jun 1989. P. 581-609.

10. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Дискурс-анализ как совокупность аналитических практик // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / И. Ф. Ухванова-Шмыгова, А. А. Маркович, В. Н. Ухванов; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой Минск: «Технопринт», 2002. Вып. 3. С. 15-24.
11. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Каузально-генетический подход в контексте лингвистики дискурса. Минск: БГУ, 2014. 223 с.
12. *Bawarshi A.* Genre and the invention of the writer : Reconsidering the place of invention in composition. Logan: Utah State University Press.
13. *Beaugrande R. de.* Text, discourse, and process : Toward a multidisciplinary science of text. London: Longman, 1980. 351 p.
14. *Collin R.* Genre in Discourse, Discourse in Genre: A New Approach to the Study of Literate Practice // Journal of Literacy Research. London: Sage Publications, 2012. Vol. 44 P. 76-96.
15. *Dijk T. A. van.* The study of discourse // Discourse as structure and process. London: SAGE Publications, 1997. Vol. 1. P. 1—34.
16. *Dijk T. A. van.* Discourse, context and cognition // Discourse studies. London. SAGE Publications, 2006. Vol. 8 (1). P. 159-177.
17. *Eggins S., Martin J. R.* Genres and registers of discourse // Discourse as structure and process. London: SAGE Publications, 1997. Vol. 1. P. 230-256.
18. *Giddens A.* The constitution of society: Outline of the theory of structuration// Berkley: University of California Press.
19. *Miller C. R.* Genre as social action // Quarterly Journal of Speech, 70. P. 151-162.
20. *Verdonik D., Zgank A., Pisanski Peterlin A.* The impact of context on discourse marker use in two conversational genres // Discourse Studies. London: SAGE Publications, 2008. Vol. 10 (6). P. 759-775.